

Parenting based on genetic material post mortem: social and legal issues

N. N. Tarusina¹, S. A. Novozhilova²

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

²Resource Center for Support of Non-Profit Organizations and Civil Initiatives, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/2949-3439-2026-3-226-233

Research article
Full text in Russian

The article discusses the legal issues related to the lack of special regulations in Russian legislation that govern the fate of cryopreserved gametes and embryos after the death of their donor, which creates uncertainty in the recognition of paternity, inheritance, and social security for children conceived through assisted reproductive technologies after the death of the genetic parent. Since there is no systematic approach to the legal regulation of assisted reproductive technologies in general in family and medical legislation, it is necessary to introduce a special regulatory block dedicated to this issue, including solutions for all aspects related to the use of such technologies post mortem.

Keywords: Postmortem reproduction; assisted reproductive technologies (ART); inheritance rights; paternity establishment; legal uncertainty

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tarusina, Nadezhda N.	E-mail: nant@uniyar.ac.ru ORCID iD: 0000-0001-8827-5532 Cand. Sc. (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation
-----------------------	---

Novozhilova, Sofia A.	E-mail: Novosofy@mail.ru
-----------------------	--

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-023)

For citation: Tarusina N. N., Novozhilova S. A. Parenting based on genetic material post mortem: social and legal issues // Demidov Law Journal. 2026. Vol. 16, No. 3. P. 226-233. (in Russ.)

Родительство на основании генетического материала post mortem: социальные и юридические проблемы

Н. Н. Тарусина¹, С. А. Новожилова²

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

²Ресурсный центр поддержки некоммерческих организаций и гражданских инициатив, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2949-3439-2026-3-226-233

УДК 347.61/64

Научная статья

Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются правовые проблемы, связанные с отсутствием в российском законодательстве специальных норм, регулирующих судьбу криоконсервированных гамет и эмбрионов после смерти их донора, что порождает неопределённость в вопросах признания отцовства, наследования и социального обеспечения детей, зачатых с помощью ВРТ после смерти генетического родителя. Поскольку в семейном и медицинском законодательстве отсутствует системный подход к правовому регулированию вопросов применений вспомогательных репродуктивных технологий в целом, необходимо ввести специальный нормативный блок, посвященный данной проблематике, включая и решения по всем аспектам, связанным с применением таких технологий post mortem.

Ключевые слова: постмортальная репродукция; вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ); наследственные права; установление отцовства; правовая неопределённость

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тарусина, Надежда Николаевна	E-mail: nant@uniyar.ac.ru ORCID iD: 0000-0001-8827-5532 Кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой социального и семейного законодательства
Новожилова, София Андреевна	E-mail: Novosofy@mail.ru Консультант НКО по работе в IT-сфере и продвижению социальных проектов

Финансирование: ЯрГУ (проект VIP-023)

Для цитирования: Тарусина Н. Н., Новожилова С. А. Родительство на основании генетического материала post mortem: социальные и юридические проблемы // Демидовский юридический журнал. 2026. Том 16, № 3. С. 226-233.

Современные вспомогательные репродуктивные технологии существенно раздвинули рамки привычного представления о юридических фактах, субъектном составе и содержании семейно-правовых связей, актуализировали их этическую проблематику. Развитие ЭКО, криоконсервация генетического материала, программа суррогатного материнства не только расширили горизонты вспомоществования

© ЯрГУ, 2026

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

деторождению, но и выявили коллизии между индивидуальными потребностями, позициями законодателя и правоприменителя [1]: юридическая тайна донорства и реальные возможности ее раскрытия, социальное отцовство в супружеском союзе партнеров, прибегших к услугам донора, включая его выбор, оспаривание зависимости генетических родителей-заказчиков от согласия суррогатной матери на запись их материнства и отцовства [2], исключение из данной программы «одинокое мужчины» и преодоление такого решения на практике [3], судьба эмбрионов при отзыве одной из сторон договора об их криоконсервации (супруга, бывшего супруга) в ситуации, когда второй участник лишен возможности предоставления нового генетического материала (например, в связи с соответствующей медицинской операцией) [3], пределы коррекции генома, прежде всего – с патологией [4].

В последние годы актуализировалась и проблематика постмортальной репродукции, то есть осуществление программы ВРТ после смерти одного из родителей. В данном правовом (частично правовом) поле к наиболее дискуссионным относятся вопросы о порядке признания отцовства, праве таких детей на пенсии и иные социальные пособия, а также на получение наследства.

Проблема правовой неопределённости в этой сфере предпослана вполне очевидной причиной: она обусловлена тем, что законодательство объективно не успевает реагировать на новые технологические возможности. Среди иных причин (далеко не всегда факультативных) – непростое взаимодействие с этическими аспектами рассматриваемых социальных практик, а также субъективные (и в этом плане – полифоничные) позиции внутри корпуса законодателей: от сугубо консервативной трактовки конституционных смыслов традиционных российских семейных ценностей до понимания их в широком контексте, но на основе конституционных принципов и положений, включая предписанные Основным законом РФ ограничители прав и свобод граждан (ст. 55) [5]. С одной стороны, государство ориентировано на максимальную защиту интересов ребёнка и семьи, материнства и отцовства, реализацию конституционных прав граждан в столь тонкой (и весьма сложной для регулирования и публичного вмешательства) области. С другой – оно не может игнорировать принцип правовой стабильности и риск необоснованного расширения круга наследников и получателей социальных выплат, что может нарушать баланс прав всех заинтересованных лиц.

Российская семья традиционно воспринимается как основа личностного роста индивида, где родительские связи формируют мировоззрение и социальные навыки. Однако *post mortem* родительство размывает эти рамки, ставя под вопрос не только юридический статус ребенка, но и его эмоциональное развитие без одного из родителей (либо без обоих генетических родителей, но с реализацией функции заботы в порядке замещения социальным отцом/матерью (например, матерью погибшего сына). В контексте российского права ключевыми являются нормы ст. 48–50 Семейного кодекса РФ, однако ни одна из них прямо не регулирует ситуации, когда генетический материал используется после смерти его носителя.

Постмортальное родительство подразумевает юридическое закрепление за умершим статуса отца или матери по отношению к ребенку, зачатому или рожденному после его смерти исключительно на базе его/ее генетического материала. Это не просто биологическая связь, а родство, влияющее на права ребенка, – от фамилии и места в роду до доли в имуществе [6]. В российском контексте подобное понятие вытекает из общих норм семейного права, где родительские права и обязанности

возникают с момента рождения, но с оговорками на доказуемость генетического происхождения. Ключевой момент – воля покойного: без явного письменного согласия на посмертное использование шансы на признание минимальны, поскольку суды опираются на презумпцию отцовства только для здравствующих супругов [7].

Системообразующим законодательным актом в сфере охраны здоровья, в том числе репродуктивного, выступает Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ¹. В нём вспомогательные репродуктивные технологии определяются как медицинские способы преодоления бесплодия. Анализ этой нормы Федерального закона позволяет заключить, что речь идёт об утрате способности к естественному зачатию, когда сам обладатель биологического материала ещё жив. Действующее законодательство не содержит ответа на вопрос, что происходит с замороженным генетическим материалом в случае смерти человека, сдавшего его на хранение. Остается неясным и вопрос о том, имеют ли право родственники или близкие умершего требовать выдачи этого материала либо использовать его для рождения ребёнка. Правило ч. 1 ст. 68 того же закона допускает использование тела, органов и тканей умершего в медицинских, научных или учебных целях при наличии нотариально удостоверенного прижизненного волеизъявления самого человека. Однако под действие этой нормы не попадают ни половые клетки, замороженные при жизни, ни уже существующие на момент смерти эмбрионы.

Кроме того, конструкция информированного добровольного согласия на применение вспомогательных репродуктивных технологий, утверждённая приказом Минздрава России от 30 августа 2012 г. № 107н, вообще не предусматривает ситуацию, когда кто-либо из участников программы ВРТ умирает. Действующий Порядок ее реализации закрепляет лишь правило об общих условиях: после выполнения процедуры экстракорпорального оплодотворения вопрос о дальнейшей судьбе неиспользованных половых клеток или эмбрионов (например, передача в донорство, замораживание или уничтожение) решается тем лицом, которому эти биологические объекты принадлежат. При этом необходимо оформить письменное согласие, а также заключить договор о донорстве и криоконсервации, в котором указывается срок хранения материала².

В российском обществе вопрос рождения ребенка с использованием генетического материала умершего донора вызывает острые споры, где переплетаются традиции, религиозные убеждения и современные реалии репродуктивных технологий. Многие воспринимают такую практику как вмешательство в естественный цикл жизни, хотя юридически она пока остается в «серой зоне» либо в лучшем случае в зоне административного и судебного усмотрения [8]. Сомнения этического порядка усугубляются ролью семьи как основного института воспитания. Традиционно в России семья видится пространством передачи ценностей, где личностное формирование ребенка зависит от живого примера родителей [9]. Ребенок, появившийся на свет благодаря генетическому материалу умершего лица, сталкивается с неопределенностью своего правового положения, что напрямую затрагивает вопросы и повседневного статуса, и наследования [10].

¹ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»

² Приказ Минздрава России от 30.08.2012 № 107н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» // СПС «КонсультантПлюс».

В качестве примера можно привести ситуацию 2005 года. В одной российской семье родился мальчик, чей отец умер незадолго до его рождения в израильской клинике. Проходя лечение в Тель-Авиве, мужчина сдал сперму на криоконсервацию. После его смерти мать погибшего решила на рождение родного внука с помощью суррогатной матери. Для этого использовали донорские яйцеклетки и замороженный биологический материал сына, который сначала хранился в Израиле, а затем был перевезён в Россию. Эмбрион, полученный путём ЭКО, имплантировали суррогатной матери, и в итоге мальчик появился на свет. Мать погибшего сына смогла усыновить мальчика и была записана как его мать³. При этом следует заметить, что усыновление/удочерение бабушками/дедушками своих внуков в связи со смертью родителей либо лишением их родительских прав российским семейным законодательством, в принципе, не запрещается – и в судебной практике такие случаи встречаются [11].

В российском законодательстве родительские права фиксируются через свидетельство о рождении, где отец указывается по заявлению супругов, матери/отца либо по решению суда. Одна из ключевых нестыковок касается формы выражения воли донора. В практике донорства органов, регулируемой Федеральным законом об охране здоровья, требуется нотариально заверенное заявление о согласии на изъятие органов после смерти. Аналогичный механизм отсутствует для репродуктивных клеток: банки спермы или яйцеклеток хранят материал на основе анкет и договоров, составленных при жизни, но без указания на посмертное применение. В результате, если супруга или партнёрша решает использовать замороженные эмбрионы после трагедии, возникает спор о том, допустимо ли это без явного письменного разрешения.

Обстоятельства, связанные со смертью человека и имеющие семейно-правовой элемент, обладают прямым юридическим значением для ряда институтов гражданского права. Несмотря на то, что гражданская правоспособность возникает лишь в момент рождения, определённые правовые конструкции, имеющие квази-статусный характер, признаются и за ещё не родившимся ребёнком. Такие конструкции влияют на динамику гражданских правоотношений, хотя и актуализируются в полном объёме своего юридического значения только после появления ребёнка на свет. В данном контексте речь идёт о праве на наследование (статья 1166 ГК РФ), о возмещении вреда, понесённого в связи со смертью кормильца (статья 1088 ГК РФ), а также о компенсации морального вреда (статья 151 ГК РФ). При этом в правовой доктрине обращается внимание на то, что сферы применения института компенсации морального вреда сегодня существенно расширены, что подтверждается и соответствующими правовыми позициями высших судов РФ (Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ), в частности, о презюмировании оснований для возмещения означенного вида компенсации у nascитуруса⁴.

Самый острый вопрос – право детей, зачатых после смерти родителя, на наследование. Действующее гражданское законодательство (ст. 1116 ГК РФ) допускает к наследованию только лиц, зачатых при жизни наследодателя и родившихся живы-

³ Ссылка на интернет-источник. Генетики рассказали о жизни после смерти // Российская газета. 2016. 22 июня. URL: <https://rg.ru/2016/06/22/genetiki-rasskazali-o-zhizni-posle-smerti.html> (дата обращения: 30.05.2026).

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.02.2025 № 6-П «По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона „О страховых пенсиях“ в связи с жалобой гражданки М. Ю. Щаниковой» // СПС «КонсультантПлюс».

ми после открытия наследства [9]. Однако само понятие «зачатие» в контексте ЭКО не имеет четкого юридического определения. Например, будет ли считаться зачатием момент оплодотворения яйцеклетки вне организма матери или момент переноса эмбриона в ее полость? Этот вопрос напрямую влияет на определение момента, с которого у ребенка возникает право на наследство [12]. Так, в 2022 году Московский областной суд рассмотрел дело, в котором было отказано в признании наследственных прав за ребенком, родившимся от суррогатной матери после смерти биологической матери. Суд указал, что эмбрион не может считаться наследником по смыслу ст. 1116 ГК РФ, если его имплантация (зачатие) не была произведена до открытия наследства – смерти наследодателя⁵.

Кроме того, в доктрине высказываются соображения о необходимости установления разумных ограничительных сроков приостановления принятия наследства по обсуждаемому основанию – со ссылкой на одно из начал гражданского законодательства и цивилистики – обеспечение устойчивости гражданского оборота, недопустимости неопределенности ситуации в течение длительного срока, например, применить общее правило о трехлетнем периоде [13; 14], что, на наш взгляд, целесообразно.

Несмотря на частичное урегулирование проблемы статуса «постмортального ребенка» (установление социальной выплаты для детей, зачатых с помощью вспомогательной репродуктивной технологии (ВРТ) на основе генетического материала супруга и рожденных более чем через 300 дней после смерти отца, отцовство которого установлено судом⁶) это не снимает всех значимых проблем. В доктрине предлагаются различные пути решения обсуждаемой проблематики, например, допустить возможность использования генетического материала супругом, близкими родственниками, а также включить «постмортальных» детей в круг наследников, исходя из наличия между ними и умершим родителем генетической связи. Однако даже при наличии биологического родства для возникновения правовой связи необходимо соблюдение установленных законом процедур, в частности, подтверждение отцовства в судебном порядке, а также наличие ясно выраженной прижизненной положительной позиции обладателя генетического материала относительно его использования в будущем, в том числе и post mortem, – как того требуют начала цивилистики [4]. При этом не исключается и отступление от данных начал – в особых случаях, например, в ситуации гибели единственного сына, исполнявшего свой профессиональный долг (в ходе СВО, при ликвидации ЧС и спасении людей). Для этого потребуются соответствующее судебное решение. Как известно, в настоящее время суды, столкнувшись post factum с участием в программе суррогатного материнства в качестве заказчика близкого родственника умершего (с предоставлением генетического материала последнего без предварительного согласия данного лица), отказывают в установлении отцовства [15].

Проведённое исследование позволяет констатировать, что развитие вспомогательных репродуктивных технологий, в частности, криоконсервации генетического материала и постмортальной репродукции, существенно опережает формирование нормативно-правовой базы в Российской Федерации. Анализ действующего

⁵ Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского областного суда от 02 февраля 2022 г. по делу № 33-4577/2022. // ЭПС «Система ГАРАНТ».

⁶ Федеральный закон от 28.11.2025 № 449-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации“» // СПС «КонсультантПлюс».

законодательства (Федеральный закон № 323-ФЗ, Семейный кодекс РФ, Гражданский кодекс РФ, приказ Минздрава № 107н) выявил множественные пробелы и коллизии, которые создают правовую неопределённость для детей, зачатых после смерти генетического родителя, а также для членов их семей.

Российское законодательство не содержит специальных норм, регулирующих использование криоконсервированного генетического материала после смерти его донора. Часть 1 статьи 68 Федерального закона № 323-ФЗ, допускающая использование тканей умершего в медицинских целях, не распространяется на гаметы и эмбрионы. Форма информированного согласия на ВРТ не предусматривает ситуацию смерти участника программы.

Ключевым условием для признания постмортального родительства является наличие прижизненного письменного согласия лица на использование своего биоматериала после смерти. Однако в отличие от донорства органов, где требуется нотариальное удостоверение, для репродуктивных клеток такой механизм отсутствует. Это порождает судебные споры и нарушает баланс между правом на репродукцию оставшегося супруга и уважением к воле умершего.

Норма ст. 1116 ГК РФ допускает наследование только для лиц, зачатых при жизни наследодателя. Отсутствие чёткого юридического определения момента зачатия при ЭКО (оплодотворение *in vitro* или перенос эмбриона в полость матки) приводит к отказу в признании наследственных прав детей, родившихся после смерти генетического родителя. Это требует либо расширительного толкования ст. 1116 ГК РФ, либо внесения в неё изменений.

В связи этим считаем необходимым либо преодолеть имеющиеся пробелы, либо скорректировать действующие нормативы. Во-первых, закрепить в Федеральном законе № 323-ФЗ понятие «посмертная репродукция» и установить обязательное требование письменного нотариально удостоверенного согласия гражданина на использование его генетического материала после смерти.

Во-вторых, внести изменения в нормы ст. 1116 ГК РФ, дополнив их положением о том, что к наследованию призываются также дети, зачатые с использованием криоконсервированного генетического материала наследодателя при его жизни и родившиеся живыми в течение установленного срока после открытия наследства, при условии документально подтверждённого волеизъявления наследодателя; установить предельный срок в три года для данного варианта наследования.

В-третьих, дополнить Семейный кодекс РФ специальной главой, регулирующей родительство при применении ВРТ, в том числе установление отцовства (материнства) в случае рождения ребёнка с использованием генетического материала умершего лица с указанием на необходимость судебного подтверждения генетической связи и наличия прижизненного согласия. Допустить исключение из данного правила по решению суда для ситуаций чрезвычайного характера. Установить в приказе Минздрава № 107н отдельную форму информированного добровольного согласия на посмертное использование репродуктивных клеток и эмбрионов.

В-четвертых, определить разумный срок, в течение которого переживший супруг или иное уполномоченное лицо может принять решение об использовании криоконсервированного материала, после чего при отсутствии волеизъявления, материал подлежит утилизации.

Таким образом, правовому регулированию родительства на основе генетического материала *post mortem* в России необходима системная законодательная работа,

направленная на баланс между защитой прав ребёнка, уважением к воле умершего, репродуктивными правами живых супругов и близких родственников и принципом правовой определённости. Только комплексное решение перечисленных проблем позволит создать эффективный и справедливый механизм, соответствующий как конституционным ценностям, так и реалиям современной медицины.

Ссылки

1. Богданова Е. Е., Малеина М. Н., Ксенофонтова Д. С. Отдельные проблемы защиты прав граждан при использовании геномных технологий // Lex Russica (Русский закон). 2020. Т. 73, № 5. С. 129-142. DOI 10.17803/1729-5920.2020.162.5.129-142
2. Тарусина Н. Н. О правотворческом и коллизионном смысле правовых позиций высших судов РФ (на примере семейных дел) // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13, № 2. С. 95-109. DOI 10.24031/2226-0781-2023-13-2-95-109
3. Тарусина Н. Н. Судебная практика по семейным делам: проблемы усмотрения на грани правотворчества // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 5. С. 40-48. DOI 10.17803/1729-5920.2019.150.5.040-048
4. Иванов А. А. Право на геном и вопросы цивилистики // Закон. 2024. № 4. С. 71-79. DOI:10.37239/0869-4400-2024-21-4-71-79
5. Тарусина Н. Н. Семейные ценности под эгидой права: новое в традиции и традиция в новом // Lex russica (Русский закон). 2023. Т. 76, № 1. С. 33-52. DOI 10.17803/1729-5920.2023.194.1.033-052
6. Громова М. Г. Постмортальное оплодотворение: правовые последствия и судебная практика // Legal Bulletin. 2025. Т. 10, № 2. С. 75-84. DOI: 10.5281/zenodo.16202771 EDN: MJDEFQ
7. Третьяк И. А. Конституционно-правовой спор о посмертной репродукции: презумпция согласия или несогласия? // Правоприменение. 2025. Т. 9, № 4. С. 58-67. DOI 10.52468/2542-1514.2025.9(4).58-67
8. Алламярова Н. В., Санакоева Э. Г., Гараева А. С. Этико-правовые аспекты постмортальной репродукции // Проблемы стандартизации в здравоохранении. 2018. № 11-12. С. 13-19. DOI 10.26347/1607-2502201811-12013-019
9. Атагимова Э. И. Роль института семьи при формировании нравственности и правосознания личности в условиях современного информационного пространства России // Правовая информатика. 2017. № 2. С. 18-26. EDN ZHEZYT
10. Молодяков А. М. Правовое регулирование посмертной репродукции в России: аспекты наследственных прав // Вестник науки. 2025. № 1. С. 370-375. EDN JFCSNA
11. Тарусина Н. Н. Бабушки и дедушки как субъекты семейного права // Семейное и жилищное право. 2017. № 2. С. 19-21. EDN YKQYJV
12. Черепанова А. Д., Похолкова А. А. Проблемы признания за эмбрионом прав субъекта наследственных правоотношений // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2025. № 3. С. 122-128. DOI 10.21779/2224-0241-2025-55-3-122-128
13. Тарусина Н. Н. О юридическом значении обстоятельств post mortem для правоотношений с семейным элементом // Lex Russica. 2026. № 2. С. 9-23. DOI 10.17803/1729-5920.2026.231.2.009-023
14. Михеева Л. Ю. О последствиях рождения детей спустя длительное время после смерти родителей // Закон. 2024. № 11. С. 164-169.
15. Тарусина Н. Н. Право на семейную жизнь и отказ от него: несколько социально-юридических этюдов // Закон. 2025. № 11. С. 102-111. DOI 10.37239/0869-4400-2025-22-11-102-111